

9. Smirnova Z. V. P.Ya. Chaadaev i russkaya obshchestvennaya mysl pervoy poloviny XIX veka [P.Ya. Chaadaev and Russian public thought of the first half of the XIX century]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1968, no. 1.
10. Tarasov B. N. *Chaadaev* [Chaadaev]. Moscow, 1990. 2nd ed.
11. Chaadaev P. Ya. *Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pisma: in 2 vol.* [Complete Works and Selected Letters: in 2 vol.]. Moscow, 1991.
12. Chaadaev P. Ya. *Sochineniya i pisma* [Works and Letters]. Moscow, 1913–1914, vol. 1–2.
13. Chaadaev P. Ya. *Stati i pisma* [Articles and Letters]. Moscow, 1987.
14. Chaadaev P. Ya. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1989.
15. Chaadaev P. Ya. *Pisma iz-za granitsy k bratu (1823–1826)* [Letters from abroad to his brother (1823–1826)]. Warsaw, 1912.

И.В. КАМЕНСКИЙ – ИДЕОЛОГ «НОВОГО СЛАВЯНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ»

Болдин Владимир, аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 2
E-mail: boldin.v.a@gmail.com

Рассматриваются социально-политические взгляды одного из видных участников славянского движения конца XIX – начала XX в. Ильи Владимировича Каменского. Концепция «нового славянского мировоззрения», предложенная И.В. Каменским, анализируется в контексте происходивших в России социальных, политических и экономических изменений, которые во многом предопределили отказ молодого поколения панславистов от традиционных славянофильских и панславистских концепций. Социально-политические и экономические трансформации, произошедшие в обществе, поставили перед идеологами славянского объединения задачу выработки «нового мировоззрения», способного отвечать вызовам эпохи. В статье делается вывод о том, что эволюция панславистских политических концепций конца XIX – начала XX в. в сторону пропаганды идей экономической интеграции славянских земель и поощрения развития торговых отношений между «Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом» во многом была предопределена объективными факторами, игнорирование которых в новых реалиях было попросту невозможно. Эволюция панславистских политических концепций конца XIX – начала XX в. является мало проработанной темой в политологической литературе, несмотря на то, что некоторые идеи, предложенные сторонниками «нового славянского мировоззрения», имели реальную практическую реализацию (например, проведение двух всеславянских съездов в 1908 и 1910 гг.). Более того, некоторые идеи, впервые высказанные еще В.И. Каменским, получили дальнейшую разработку и на политическом уровне. В ходе многочисленных переговоров между политическими деятелями славянских земель (В. Клофач, К. Крамарж, И. Хрибар, С. Радич) и членами Государственной Думы Российской империи (Н.М. Хомяков, В.А. Маклаков и др.) не раз поднимались вопросы создания славянского банка, развития славянского туризма и молодежного движения, поощрения культурных связей и многих других. Это лишний раз подтверждает актуальность идей, озвученных И.В. Каменским в конце XIX – начале XX в. и в дальнейшем повлиявших на возрождение «славянского вопроса».

Ключевые слова: панславизм, славянское движение, «новое славянское мировоззрение», «Славянская беседа», И.В. Каменский, «Славянский век»

I.V.KAMENSKY – IDEOLOGIST OF THE “NEW SLAVIC OUTLOOK”

Boldin Vladimir, postgraduate student

The Lomonosov Moscow State University
2 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: boldin.v.a@gmail.com

The article deals with the social and political views of one of the prominent members of the Slavic movement in the late XIX – early XX century Ilya V. Kamensky. The concept of the “new Slavic outlook”, which was proposed by I.V. Kamensky, is analyzed in the context of the social, political and economic changes which took place in Russia. These processes determined the renouncement of young generation of Pan-Slavists from the traditional Pan-Slavic and Slavophil concepts. Socio-political and economic changes in the society had to create a new ideas, that could meet the challenges of the era. The article concludes that the evolution of the Pan-Slavic political concepts in the late XIX – early XX century in the direction of the propagandizing of the ideas of economic integration of the Slavic lands and encourage the development of trade relations among “Russia, Austria-Hungary and the Balkans” was predetermined by objective factors. Evolution of the Pan-Slavic political concepts in the late XIX – early XX century is a little-developed theme in the modern political science literature, despite the fact that some of the ideas proposed by ideologists of the “new Slavic outlook” had a real practical implementation (such as the holding of two Slavic Congresses in 1908 and 1910). Moreover, some of the ideas, which were firstly expressed by V.I. Kamensky, were further developed at the political level. This once again confirms the relevance of the Kamensky’s ideas in the late XIX – early XX century.

Keywords: Pan-Slavism, Slavic movement, the “New Slavic outlook”, “Slavic conversation”, I.V. Kamensky, “Slavic Century”

Конец XIX – начало XX в. – переломная эпоха в мировой истории. К началу нового столетия европейская цивилизация находилась, с одной стороны, в условиях жесточайшего социокультурного и духовного кризиса, вызванного переосмыслением всех ранее преобладавших в обществе ценностей и взглядов, а с другой – в фазе своего небывалого подъема и развития [7, с. 38–49]. Кризис идеологии гуманизма, рационалистических парадигм и сциентистских идеалов науки, предопределивший направления интеллектуальных поисков европейской интеллигенции, сопровождался невиданными ранее успехами в экономике и промышленности, открытиями в области медицины и химии, созданиями непревзойденных образцов искусства в литературе и живописи. Именно поэтому прежде чем перейти непосредственно к анализу творчества И.В. Каменского, следует подробно рассказать о том историческом контексте, в котором творил автор, т.к. без правильного понимания изменений, происходивших в социальной, политической и экономической жизни России конца XIX – начала XX в. и предопределивших творческие поиски идеологов панславизма, невозможно осмыслить и те цели и задачи, которые «младославянские деятели» ставили перед собой в своих программных документах.

Социальный, экономический и политический контекст формирования идеологии «нового славянского мировоззрения». Анализируя процесс возрождения обновленной идеологии панславизма, нельзя не сказать о тех социальных, экономических, политических процессах, имевших место в России и оказавших колоссальное влияние на содержание политических программ молодых панславистов.

Для экономических отношений в России конца XIX – начала XX в. было характерное скачкообразное и непоступательное развитие. Тем не менее, к концу XIX в. Российская империя догнала по темпам развития многие европейские страны. Однако бурный экономический рост часто сопровождался ломкой устоявшихся в обществе норм и традиций, социальная структура претерпевала серьезные изменения, общественная жизнь усложнялась и приобретала качественно новые характеристики [6, с. 39–55]. «В условиях сохранения значительных остатков феодализма высокий темп и скачкообразность развития России обуславливали болезненность и повышенную конфликтность ее общественного развития» [8, с. 58].

Экономический и промышленный рост повлиял и на бурное развитие банковской и финансовой систем страны. Постепенно в России стала складываться финансовая олигархия, класс крупных промышленников и предпринимателей. Именно интересы крупного капитала, искавшего новые рынки в славянских странах, в дальнейшем повлияли на переориентацию идеологии панславизма с культурного и политического сотрудничества на экономическую кооперацию.

В социальной сфере развитие России также было неравномерно. Размывание старых социальных групп и сословий усиливалось из-за растущей дифференциации доходов населения. «Существенным моментом, тормозившим все российские реформы, была социально-политическая структура общества, та пропасть, которая лежала между различными его социальными слоями... Неравенство было закреплено и старой сословной системой, хотя по мере развития капитализма эта система все более переставала соответствовать классовому делению общества» [8, с. 62].

Говоря о внешнеполитической конъюнктуре, повлиявшей на формирование идеологии «нового панславизма», интересно мнение А.А. Григорьевой. «К 80-м годам XIX в. Россия уже накопила ощутимые природно-территориальные, экономические и демографические ресурсы, позволившие ей сформировать мощную военную базу, а ослабление Османской и Габсбургской монархий создало объективные предпосылки для активного продвижения “русского колосса” в балканском направлении. Идеологическим обоснованием последнего стал российский вариант панславянской теории, легитимировавший дальнейшее расширение Российской империи на Ближний Восток и присоединение к ней остальных славянских земель. Показательно, что формирование и эволюция панславизма в России проходили под пристальным контролем со стороны правительства и всегда находились в тесном контакте с внешнеполитическим курсом официального Петербурга» [1, с. 78].

Однако полностью согласиться с выдвинутым автором тезисом нельзя, так как идеологи «нового славянского мировоззрения», среди которых был и И.В. Каменский, напротив, осуждали внешнюю политику Российской империи, требовали ее переориентации на защиту «действительно славянских интересов». Нельзя говорить и о единстве взглядов панславистов на вопрос о сотрудничестве с официальными и государственными структурами империи.

В целом же характеризую геополитические процессы на рубеже веков, можно выделить несколько тенденций:

1. Окончание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. повлекло за собой ослабление Османской империи и появление нового независимого славянского государства – Болгарии. В связи с этим обострился конфликт за разделение сфер влияния на Балканах между Россией, Австро-Венгрией, Германией и др. «Великие державы», подталкиваемые своими промышленно-финансовыми элитами, наращивали финансово-экономическую экспансию, стремясь поглотить рынки «молодых балканских государств».

2. В монархии Габсбургов нарастало недовольство среди славянской буржуазии. Подобные настроения были обусловлены тем, что основные финансовые и экономические потоки контролировались венгерской и немецкой буржуазией, что лишало предпринимателей и банкиров из славянских земель огромной части доходов. Выход из сложившейся ситуации представители славянских земель видели в налаживании более тесных экономических отношений как друг с другом, так и с Россией.

3. Славянские общественные деятели зачастую видели негативные тенденции в усилении экономической и военной мощи Германской империи, а растущий милитаризм в немецком обществе воспринимали как прямую угрозу. Несмотря на то, что большинство славян, проживающих в Австро-Венгрии, стояли на позициях целостности монархии, все же они с надеждой смотрели на Россию как традиционную «защитницу» славянских народов. Однако ошибочно полагать, что славяне империи Габсбургов всерьез рассматривали возможность вхождения в состав России, скорее усиление политических контактов с «восточным соседом» преследовало конъюнктурные политические цели (усиление автономии в составе Дунайской монархии или помощь в дальнейшей борьбе за независимость).

Григорьева отмечает: «На фоне всех этих событий обозначился очередной подъем интереса к “славянской идее”, как в России, так и за ее пределами. В новых условиях сторонники общеславянского единства полагали вполне естественным спо-

собствовать культурному, экономическому и политическому сотрудничеству всех славянских народов на паритетных началах. В печати все настойчивее зазвучали призывы к «общему покаянию славян друг перед другом». Речь шла о разрешении польско-русских, сербохорватских и сербо-болгарских противоречий. Вместе с тем, подчеркивалось принципиальное отличие «возродившегося» славянского движения от тех течений, которые в российском и западноевропейском общественном сознании ассоциировались с понятием «панславизм» [2, с. 168].

«Новое славянское мировоззрение» И.В. Каменского. Процесс поиска выхода из духовного, политического и социального кризисов, охвативших общество, не обошел стороной и Россию, где на рубеже веков вновь возродился интерес к идеологии панславизма. Однако в современной политологической литературе феномену «нового славянского мировоззрения» и идеологам возрождения панславизма в начале XX в. уделено незаслуженно мало внимания. Именно поэтому в данной работе хотелось бы обратиться к анализу социально-политического наследия одного из активных деятелей славянского движения на рубеже веков – Илье Владимировичу Каменскому (р. 1875).

После Берлинского конгресса (1878 г.) не оправдавшего надежд панславистов на полное освобождение славянских народов на Балканах, интерес к идеологии панславизма¹ постепенно угасал. Однако уже к концу столетия исторические события в Европе вновь поставили на повестку дня «славянский вопрос»². Именно на этом фоне в 1892 г. в Санкт-Петербурге складывается «славянофильский студенческий кружок» «Славянская беседа», основателями которого выступили будущие видные слависты Илья Владимирович Каменский и Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937). «Члены кружка ставили перед собой задачу объединять студентов высших учебных заведений для научных собеседований по славянским делам, а также выработать новое славянское мировоззрение, способное отвечать вызовам эпохи» [5, с. 90].

После распада «Славянской беседы» в 1902 г. Г.А. Ильинский и И.В. Каменский активно включились в деятельность нового журнала «Славянский век» (1900–1904), издававшегося в Вене под редакцией Дмитрия Николаевича Вергуна (1871–1951). Журнал «Славянский век», позиционировавший себя как «всеславянский орган для выяснения и защиты славянских культурных интересов, распространения русского языка и для поощрения торговых сношений между Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом», был на тот момент единственной площадкой, где молодые слависты и деятели славянского движения могли обсуждать наиболее злободневные вопросы, стоявшие перед «славянством». Именно на страницах «Славянского века» И.В. Каменский публикует свои основные работы, ставшие своеобразной политической программой и квинтэссенцией взглядов сторонников идей «всеславяинства» в начале века.

Ключевой для понимания взглядов Каменского и сторонников «нового славянского возрождения» является статья «Тезисы панславизма», опубликована в № 59 от 1 (14) января 1903 г. и сразу вызвавшая оживленные дискуссии в лагере панславистов. И.В. Каменский начинает свою работу с констатирования того печального состояния, в котором оказалась «славянская идея» к концу XIX – началу XX в.: «Несколько лет тому назад славянская идея казалась уже отжившей свой век. Милановщина в Сербии, Стамбуловщина в Болгарии, неславянская политика русского правительства в Царстве Польском во время генерал-губернаторства Гурко и управления

¹ Наиболее полное и емкое определение панславизма дал А.А. Ширинянц: «панславизм есть идейно-политический комплекс, включающий разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и/или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей» (см. [10, с. 11]).

² Подробнее об эволюции панславизма см.: [9, с. 85–110].

Варшавским учебным округом Апухтина, угнетение Галицких русских поляками-помещиками и ужасы сеймовых выборов, дружба поляков в Познани с немцами до появления «гакати́зма», междоусобная борьба старочехов с младочехами, соперничество сербов с хорватами, обоюдная ожесточенная ненависть сербов и болгар со времени Сливницкой кампании Милана в 1885 г. – вот картины недавнего прошлого. Всякого, кто решался заговорить о славянской взаимности и всеславянском единении, подымали на смех, как сумасшедшего» [3, с. 322].

Однако, как пишет Каменский, несмотря на все трудности, «несколько Петроградских студентов» создали славянофильский научно-литературный кружок «Славянская беседа» «под кровом Петербургского Славянского общества» и попытались выработать панславистскую программу для будущих действий по прошествии неблагоприятных для панславизма исторических обстоятельств» [3, с. 322–323].

В.И. Каменский следующим образом определяет цели современного панславизма: «а) всестороннее развитие каждой отдельной личности и обеспечение ее материального и духовного счастья; б) возможное расширение свободы личности, т.е. до таких пределов, которыми не разрушалась бы жизнь всего общества; в) равноправность сословий как в общественной, так и в государственной жизни; г) равновесие между правами и обязанностями у должностных лиц; д) всеобщая грамотность, как необходимое условие правильной общественной жизни; е) надлежащая постановка и беспристрастное мирное решение рабочего, женского, школьного и иных общественных вопросов и нужд; ж) скорейшее разоружение, до возможно меньших размеров, громадных армий, поглощающих большую часть государственных доходов и употребление освобождающихся таким образом средств на поднятие экономического благосостояния славянских народов; з) возможно-большая *полнота и разнообразие* в проявлениях бытовой жизни славянских народов» [3, с. 323–324].

Относительно своей программы Каменский был убежден, что она нисколько не противоречит истинному славянофильству, что в ней нет мистицизма старой славянофильской школы, с одной стороны, с другой – нет той нетерпимости ложных славянофилов (иначе «квасных патриотов»), которая может быть выражена тремя словами: «обрусить», «оправославить», «обюрократить». Это равносильно, по мнению таких людей, понятию «осчастливить» [3, с. 324].

Б.А. Прокудин следующим образом оценивает статью Каменского: «Автор формулирует демонстративно нейтральную в политическом отношении программу. Даже рабочим языком славянских встреч Каменский предлагает сделать французский. Ему приходится оправдываться и отрешиваться от “квасных патриотов” консервативного толка, и даже от Пушкина» [5, с. 92–93]. Все это лишний раз подтверждает намерения Каменского и его соратников по «Славянскому веку» сформировать новый, положительный образ панславистской идеи в глазах, прежде всего, западных и южных славян.

Каменский со своими единомышленниками не оставили без внимания вопрос о политическом объединении славянских народов. Тем не менее, в программе Каменского звучат достаточно осторожные предложения. Так, например, с точки зрения автора «желательно, чтобы связь между славянскими народами была не только культурная, но и политическая». Для этого Каменский предлагает создание «всеславянской думы для обсуждения и решения дел». Формировалась бы она по принципу пропорционального представительства каждого славянского народа в зависимости от количества населения [3, с. 323–324]. При этом автор не ставит никаких конкретных политических целей перед союзным парламентом, а говорит лишь о необходимости достижения «целей панславизма в культурном отношении». Среди них можно выделить такие, как свобода личности, политическое и гражданское равенство, просвещение, защита прав женщин, разоружение и экономическое благосостояние.

Концептуальное значение для понимания эволюции взглядов русских панславистов имеют очерки И.В. Каменского «Панславизм, пангерманизм и панроманизм в

XX веке», где нашли отражение ключевые тенденции освещения общественно-политических проблем через призму «нового славянского мировоззрения».

Отдельное издание очерков в виде брошюры в 1902 г. было посвящено участникам Гаагской мирной конференции (1899 г.): «Так как панславизм есть лишь одно из проявлений федерализма, возвещенного официально созванием знаменитой мирной конференции в Гааге, то я и решаюсь посвятить мои скромные очерки Г.г. участникам этой конференции».

Открывает свои очерки Каменский следующими словами, которые как окажется, имели пророческий характер: «Никто в настоящее время не сомневается, что человечество и особенно Европа находятся накануне великих событий. Войны греко-турецкая, японско-китайская, испано-американская, англо-африканская и недавнее столкновение Европы с Китаем являются грандиозными прелюдиями к предстоящим всемирно-историческим явлениям. Милитаризм, доведенный в Европе до небывалых размеров со времен франко-прусской войны 1870 года, закончившейся объединением почти всей Германии (за исключением областей Австрии), возбуждал и возбуждает повсюду тревожные ожидания Велюкоевропейской войны» [4, с. 2].

Каменский подытоживает, что в современной ему Европе скопилось такое количество «гордыевых узлов», что ее «политическое состояние» можно считать ненормальным. Причинами столь негативных для Европы событий стали, по мнению Каменского, во-первых, избыток населения в Европе, предсказанный еще английским экономистом Т. Мальтусом (1766–1834) в его знаменитом труде «Очерки о законе народонаселения» (1798), а во-вторых, погоня за рынками сбыта для новых товаров, которая привела Европу к политике колониализма [4, с. 2–3].

Выход из столь затруднительного положения, с точки зрения автора, можно найти, используя при анализе «принципов исторической жизни» народов Европы социологию – объективную науку, основоположником которой стал О. Конт (1798–1857), и философию истории, субъективную науку, являющуюся подготовительной стадией социологии. Именно соединение этих двух подходов даст возможность преодолеть временные и пространственные рамки исторической науки и дать точный научный прогноз о будущем лучшем политическом устройстве Европы [4, с. 5].

В результате анализа исторической жизни европейских народов, Каменский приходит к выводу, что европейским странам для процветания, достижения «естественного равновесия» и снижения милитаризма необходимо стремиться к культурному, а, если будет возможность, и к политическому единению трех союзов одноплеменных государств: Романских, Германских и Славянских народов [4, с. 9].

Особенно хочется подчеркнуть, что свои выводы Каменский основывал не на «абстрактных размышлениях», а научным анализом, с применением собственноручно выведенных оригинальных формул на основе статистических данных. В своем исследовании Каменский старался применить как общенаучные методы индукции и дедукции, так и социологические методы, вводя свою теорию потребностей, одним из элементов которой в его интерпретации стала базовая потребность в сближении. Именно потребность в сближении, по мнению Каменского, становится ключевой для народов, населяющих Европу, в их стремлении к «племенному федерализму».

В своих очерках Каменский уделит внимание и традиционному спору «западников» и «славянофилов» о самобытности «славянской культуры» и месте России в мире. Проведя различие между «самобытностью» и «самостоятельностью» культуры, а также рассмотрев исторический путь России от древности и до современной ему эпохи, Каменский пришел к выводу, что в XX в. уже было бы неправильно вести дискуссию в категориях первых «западников» и «славянофилов». Мир изменился, а с ним изменилась и культура народов Европы. Нравственный и социально-политический космополитизм повсюду проник в верхние слои общества. Стремление к сближению и федеративному соединению по этнографическому принципу родственных наций позволит достигнуть братства, равенства и свободы в культурно-

материальной и в культурно-социальной жизни. Племенной федерализм обеспечит свободное и независимое развитие каждой из культур, а их достижения станут достоянием всего человечества.

Каменский предупреждает, что культурное сближение ни в коем случае не должно носить насильственный характер. Так, за излишнее «давление» Каменский жестко критикует политику русского правительства в Польше, откровенно называя ее «неславянской» [4, с. 51–52].

Вообще, с точки зрения Каменского политическая карта Европы должна подлежать полному пересмотру, так как ее нынешнее состояние не соответствует ходу исторического развития. Так, например, Галицкая Русь должна отойти России, а левую часть Царства Польского стоило бы отдать будущему Польскому штату в составе Австрийской федерации. Это способствовало бы снятию вражды между двумя братскими народами – русскими и поляками, а в дальнейшем и созданию двух одинаково сильных «славянских великанов» – России, «содержащей в своих недрах» финнов, грузин, армян, татар, и Средне-Европейского имперского союза, состоящего из славян бывшей Австро-Венгерской империи, Греции, Румынии Венгрии, Албании. Дипломатическим и коммерческим языком будущего двойственного союза, безусловно, должен стать русский язык, а малые славянские народы должны будут жить в союзе с Россией, не боясь в то же время быть поглощенными ею. Между тем в Европе к тому времени сложился бы Двойственный Романо-Германский Союз [4, с. 50–52].

Подводя итог рассмотрению очерков, стоит выделить две ключевые особенности. Во-первых, стремление придать теории панславизма научный характер и объяснить будущее объединение славян с точки зрения объективных законов развития, а во-вторых – крайнюю утопичность и непроработанность политических проектов Каменского и круга журнала «Славянский век».

В заключении следует отметить, что, несмотря на попытку переосмысления идейных основ панславизма, И.В. Каменский никогда не отрицал преемственность взглядов теоретиков культурного направления в русском панславизме. Более того, Каменский был категорически против «русофобских» трактовок панславизма, как орудия «царской политики». Очевиден сдвиг концепций славянского единства в экономическую плоскость, обусловленный изменениями в экономическом и политическом контексте. Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что работы И.В. Каменского наиболее точно передают трансформации в идеологии панславизма на рубеже эпох. Многие проблемы, затронутые автором на страницах журнала «Славянский Век», носили пророческий характер, и во многом их игнорирование и привело в дальнейшем к кровавому событию, изменившему судьбы миллионов людей – Первой мировой войне.

Список литературы

1. Григорьева А. А. Балканская политика России и панславизм в 80-е гг. XIX – начале XX века / А. А. Григорьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6 (20), ч. 1. – С. 78–82.
2. Григорьева А. А. Панславизм: идеология и политика (40-е годы XIX – начало XX века) / А. А. Григорьева. – Иркутск : Аспринт, 2013. – 200 с.
3. Каменский И. В. Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в. Посвящается участникам Гаагской мирной конференции / И. В. Каменский. – Одесса : типо-лит. А. Шульце, 1902. – 52 с.
4. Каменский И. В. Тезисы панславизма / И. В. Каменский // Славянский век: Всеславянский орган. – Вена : [Б.и.], 1903. – Вып. 59. – С. 322–325.
5. Прокудин Б. А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века / Б. А. Прокудин ; под ред. А. А. Ширинянца. – М. : Социально-политическая мысль, 2007. – 132 с.
6. Ширинянец А. А. Интеллигенция в политической истории XIX в / А. А. Ширинянец // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2012. – № 4. – С. 39–55.

7. Ширинянц А. А. Русское общество и политика в XIX веке: русский революционный нигилизм // А. А. Ширинянц // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2012. – № 1. – С. 38–49.

8. Ширинянц А. А. Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре / А. А. Ширинянц, С. А. Ширинянц. – М. : Московский ун-т, 1997. – 160 с.

9. Ширинянц А. Русофобский мит на «панславизма» / А. Ширинянц, А. Мирикова // Политически исследования. Българска ассоциация за политически науки. – София, 2010. – Брой 1–2, – С. 85–110.

10. Ширинянц А. А. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века / А. А. Ширинянц, А. В. Мырикова ; под ред. А. А. Ширинянца, пер. на хорв. Сабина Фолнович. – Москва : Политическая мысль, 2010. – 72 с.

References

1. Grigorieva A.A. Balkanskaya politika Rossii i panslavizm v 80-e gg. XIX – nachale XX veka [Balkan policy of Russia and Pan-Slavism in the 80s of the XIXth – the beginning of the XXth century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philoophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2012, no. 6 (20), part 1, pp. 78–82.

2. Grigorieva A. A. Panslavizm: ideologiya i politika (40-e gody XIX – nachalo XX veka). [Panslavism: ideology and politics (40th years XIX – early XX century)]. Irkutsk, Asprint Publ., 2013, 200 p.

3. Kamensky I. V. *Panslavizm, pangermanizm i panromanizm v XX v. Posvyashchaetsya uchastnikam Gaagskoy mirnoy konferentsii* [Pan-Slavism, Pan-Germanism and Pan-Romane in the twentieth century. Dedicated to the participants of the Hague Peace Conference]. Odessa, A. Schulze's Printing house, 1902, p. 52.

4. Kamensky I. V. Tezisy panslavizma [Theses of panslavism]. *Slavyanskiy vek: Vseslavyanskiy organ* [Slavic Century]. Vienna, 1903, vol. 59, pp. 322–325.

5. Prokudin B. A. Ideya slavyanskogo edinstva v politicheskoy mysli Rossii XIX veka [The idea of Slavic unity in Russian political thought of the XIX century]. Ed. by A. A. Shirinyants. Moscow, Sotsialno-politicheskaya mysl Publ., 2007, 132 p.

6. Shirinyants A. A. Intelligentsiya v politicheskoy istorii v XIX v. [Intelligentsia in the political history of the nineteenth century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 12 "Politicheskie nauki"* [Bulletin of Moscow University. Series 12 "Political science"], 2012, no. 4, pp. 39–55.

7. Shirinyants A. A. Russkoe obshchestvo i politika v XIX veke: russkiy revolyutsionnyy nigilizm [Russian society and politics in the nineteenth century: Russian revolutionary nihilism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 12 "Politicheskie nauki"* [Bulletin of Moscow University. Series 12 "Political science"], 2012, no. 1, pp. 38–49.

8. Shirinyants A. A., Shirinyants S. A. *Rossiyskaya intelligentsiya na rubezhe vekov: zametki o politicheskoy kulture* [Russian intellectuals at the turn of the century: a note about the political culture]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997, 160 p.

9. Shirinyants A., Mirikova A. Rusofobskiyat mit na "panslavizma" [Russophobic myth of "Pan-Slavism"]. *Politicheski izsledovaniya. Bolgarska assotsiatsiya za politicheski nauki* [Political Studies. Bulgarian Association of Political Science]. Sofia, 2010. no. 1–2, pp. 85–110.

10. Shirinyants A. A., Myrikova A. V. *Vvedenie k issledovaniyu istorii i ideologii panslavizma XIX veka* [Introduction to the study of the history and ideology of Pan-Slavism of the XIX century]. Ed. by A. A. Shirinyants. Moscow, Politicheskaya mysl, 2010, 72 p.